

«ФАЛЬСИФИКАЦИЯ И ЕЕ ЖЕРТВЫ: ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ПОЛИТИКА».

Материалы заочного «круглого стола»

«НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО»: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

И.В. Зеленева
(Россия, г. Санкт-Петербург)

Историческое прошлое страны, народа напрямую связано с безопасностью государства, с его национальными интересами. Сохранение исторической памяти, безусловно, является частью государственной политики. Сегодня в эпоху глобального универсализма общественные науки постепенно преодолевают синдром «национальной ограниченности». Несовпадение мировоззренческих принципов сторонников политического идеализма и реализма приводит к интересному феномену, который мы определяем как «непредсказуемость исторического прошлого».

This article discusses the phenomena of unpredictable past which is directly linked to the state security and its national interests. The maintenance of historical memory is considered by the state as a necessary part of its policy. Nowadays, in the era of global universalism, social sciences begin to overcome the barrier of “national narrow-mindedness”. The phenomena which the paper defines as “unpredictable past” is born from the gap between the viewpoints of those who support the approaches of political idealism on one side and political realism – on the other side.

Ключевые слова: непредсказуемость, историческое прошлое, историческая память, безопасность государства, информационные войны, исторические мифы, геополитик, геостратегия.

Key words: unpredictable past, historical memory, state security, information wars, historical myths, geopolitics, geostrategy.

Я хотел сказать только, что все мысли, которые имеют огромные последствия, – всегда просты. Вся моя мысль в том, что ежели люди порочные связаны между собой и составляют силу, то людям честным надо сделать только то же самое. Ведь как просто.

Л.Н. Толстой. Война и мир

Процессы глобализации в начале XXI в. вышли за пределы экономической системы и стали основной доминантой мировой политики. Новый период международных отношений – глобализация – помимо новых возможностей, создает и глобальные угрозы. «Более, – отмечает Игнасио Рамоне, – нет однозначного ответа на вопрос о главном противнике; отныне речь идет о чудовище с тысячью лиц, которое может принять в любой момент облик демографической бомбы, наркомании, мафии, распространения ядерного оружия, этнического фанатизма, СПИДа, вируса Эболы, организованной преступности, исламского интегризма, парникового эффекта, опустынивания, крупных миграционных потоков, радиоактивного облака и т.д. Все это – угрозы планетарного масштаба, не имеющие границ, распространяющиеся по всей Земле, и их нельзя победить классическим оружием войны» [9, с. 14–15].

Современный этап мировой политики характеризуется двумя противоположными тенденциями: с одной стороны – стирание национальных границ, перерастание нацио-

нальных экономик в региональные, мировые, а с другой – возрождение чувства этнической идентичности, религиозного фундаментализма, рост национализма, столкновение на почве религий, языка, ценностей. Транснационализация производительных сил не подавляет стремления к стабильной, ясной и «подлинной» идентичности.

Трансформации подвергаются все сферы жизни общества: политическая, экономическая, военная, и, конечно, культурная. Все чаще можно слышать, что современная культура стремится к упадку, деградации, что современный человек меньше стал читать, посещать театры, музеи. Происходит невольное сравнение современного этапа развития общества, культуры и культуры «золотого века». В XIX в. образованный человек в России знал несколько иностранных языков, разбирался в вопросах современной ему литературы, мог судить о разных сторонах политической жизни. Премьера спектакля, новый роман, художественная выставка становились сенсацией, их обсуждали, они были предметом споров. Этот простой пример подтверждает, что в XIX в. культура представляла собой нечто целое.

В эпоху глобализации культурная жизнь на наших глазах стала рассыпаться на множество кусочков, «как раскрошившаяся смальта мозаики», и эти кусочки оказались живыми. Они стали множиться и расползаться в разные стороны. Каждое заметное событие культурной жизни более или менее известно только в той отрасли, к которой оно относится. Научная книга будет прочитана узким кругом профессионалов, художественную выставку посещают знатоки искусства. Этот процесс в современном мире получил название фрагментации. Фрагментативность, как полагает Дж. Розенау, – отчетливое действие по крайней мере двух противоположных тенденций – глобализации и интеграции, с одной стороны, и дезинтеграции, фрагментации, автономизации – с другой [10]. Фрагментация культуры – серьезная проблема современного общества. Если интеллигент XIX в. мог свободно судить об истории, политике, литературе, искусстве, науке, экономике («Мы все учились понемногу, чему-нибудь, – и как-нибудь» А.С. Пушкин), то в начале XXI в. мы имеем дело с узконаправленным специалистом, глубоко и всесторонне знающим свою область знания. И это, конечно, не упадок, «не закат» культуры, это новый этап ее развития.

Глобализация все чаще начинает восприниматься не только как транснациональные финансовые потоки, но и как «новое качество взаимосвязанности и взаимозависимости человечества». Проблема безопасности государства, региона, личности в XXI в. по-прежнему является актуальной. Историческое прошлое страны, народа напрямую связано с безопасностью государства, с его национальными интересами. Сохранение исторической памяти, безусловно, является частью государственной политики. Народ, у которого нет прошлого, истории, исторической памяти, превращается в народонаселение, которое легко победить, склонить к заданной цели. Главной задачей информационной пропаганды является отделить прошлое от настоящего. В начале XXI в., как уже бывало в истории, историческое прошлое стало формой информационной борьбы. В условиях глобализации стихийно или целенаправленно формируются региональные центры экономического, политического и культурно-цивилизационного характера. Формирование концепций идентичности становится для этих региональных центров важнейшей задачей. Рост национализма в современном мире, формирование новых независимых национальных государств требует появления национальной идеологии, «национальной биографии», истории, пантеона национальных героев. Как полагает Энтони Д. Смит, «нация – это искусственная категория; она не имеет корней ни в природе, ни в прошлом... Прошлое, на которое уповают националисты, – только миф: оно существует лишь в сознании националистов и их последователей» [1, с. 238].

Каждое поколение «переписывает» прошлое заново, пытаясь осмыслить его. В классику мировой литературы вошли произведения А.С. Пушкина «Капитанская дочка», Л.Н. Толстого «Война и мир», где мы можем видеть исторические события: «народный бунт» под руководством Е. Пугачева, войну 1812 г., Бородинское сражение. По этим романам снимаются фильмы, которые смотрят миллионы людей. Само

собой напрашивается философский вопрос: прошлое изменяемо? Хотя бы усилиями гениев – А. Пушкина, Л. Толстого?

Думаю, нет. Изменяемо восприятие прошлого. Представители различных профессий пытаются реконструировать его: историки, археологи, писатели и даже политики. А.П. Чехов в повести «Степь» сделал такое замечание: «Русский человек любит вспоминать, но не любит жить», то есть он не живет настоящим, а действительно – только прошлым или будущим! Дмитрий Сергеевич Лихачев писал: «Я считаю, что это самая важная русская национальная черта, далеко выходящая за пределы только литературы» [8]. В самом деле, об особом интересе к прошлому свидетельствует развитие в Древней Руси исторических жанров, и в первую очередь летописания, известного в тысячах списков, хронографий, исторических повестей, временников и т.д. Любовь к истории, «к отеческим гробам» составляет неотъемлемую часть российского самосознания, поэтому опаснее становится целенаправленное вторжение в историческое прошлое.

Одной из основных задач любого общества является формирование исторического сознания. Политики используют историческое прошлое для решения своих краткосрочных политических целей. Благодаря этому наше «вчера стало непредсказуемым». Если военный конфликт заканчивается со временем, то информационная война не имеет ни начала, ни конца. Расшатывание представлений об исторических событиях вредно для политической, психологической стабильности общества.

Разумно, когда историческое прошлое становится предметом научных дискуссий, международных конференций. Определение сущности всегда было предметом научного спора. В XVIII–XX вв. в стенах различных Академий, Обществ разгорались научные дискуссии о цели, методологии изучения истории России. Показательна дискуссия, которая велась в рамках Географического общества в России в середине XIX в. Целью изучения Географического общества, созданного в Санкт-Петербурге в 1845 г., была Россия. Географическое общество должно было представить международному сообществу точную информацию о Российской империи и тем самым увеличить вклад России в прогресс мировой науки.

В период основания Географического общества российская этнография как особая научная дисциплина была еще в зачаточном состоянии, поэтому важной проблемой стало определение предмета и методов этнографических исследований. Две научные концепции были представлены российскими учеными К. Бэрром и Н. Надеждиным. Согласно первой научной концепции, представленной Карлом фон Бэрром, этнография должна изучать разнообразные народы Российской империи, прежде всего «наиболее примитивные», стоящие на грани вымирания, чтобы сохранить памятники материальной и духовной культуры для будущих поколений. Согласно второй концепции, которую изложил Николай Надеждин, этнография должна стать наукой о самом русском народе, должна помочь русским выработать национальное самосознание. Научная дискуссия К. Бэра и Н. Надеждина отражала два принципиально противоположных подхода к этнографии, истории. Воззрения К. Бэра явно формировались в рамках универсального научного дискурса, центральную роль в котором играли теоретические проблемы, касающиеся человеческой расы в целом. В его взглядах отразилась основополагающая дихотомия «цивилизованных» и «нецивилизованных», европейцев и неевропейцев, которая лежала в основе этнологии XIX в.

Представления Н. Надеждина об этнографии воплотило понимание науки как национального дискурса. Он был больше увлечен русской самобытностью, чем стремлением участвовать во всемирном научном диалоге. Образная форма осмысления «русской идеи» восходит к началу XIX в. Чаще всего ее связывают с творчеством философствующих националистов – Н.И. Надеждина, А.А. Краевского, С.П. Шевырева и отчасти более свободомыслящего И.В. Киреевского. Именно они увидели в самобытности, всечеловеческой переимчивости «молодой» России залог ее будущего научного подъема, который сделает ее родиной грядущей синтетической науки и искусства, обогнавшей «духовно иссякший», дряхлый Запад. Особенно рельефно духовные приоритеты российского общества 20–30-х гг. XIX в. проявляют себя в лите-

ратурной жизни. К началу 30-х гг. XIX в. толки о романтизме «сменяются толками о "народности" или "национальности"…» [4]. И тут уместно выделить мнение ряда авторов о том, что философская проблематика «русской народности» имеет иноземные корни. Так, М. Вайскопф пишет, что по традиции теоретические формы русского национализма были подсказаны извне. Ссылаясь на работу Л. Лейтона, он указывает на немецкий генезис теоретических форм «народности» в России. При этом подчеркивается, что не Фридрих Вильгельм Шеллинг, а Иоганн Готфрид Гердер и Иоганн Готлиб Фихте питали эту концепцию своими идеями. Популярная же форма народнических теорий пришла в Россию с книгой Анны Луизы Жермены де Сталь «О Германии» (1810), которую Лейтон причисляет, наряду с сочинениями Сисмонди и др., к основным источникам русской романтической «народности». Влияние Г. Гегеля становится доминирующим лишь после 1830 г. [3, с. 244, 252–253]. Это один из примеров того, насколько конкретным должен быть анализ феномена русско-российской самоидентификации и его идейных корней, питавшихся из полиэтнических культурных источников. В середине XIX в. в этнографии возобладали точка зрения Н. Надеждина.

Но на абсолютную истину претендуют не только ученые всего мира, а также политики, журналисты, писатели. И вот здесь важно разобраться в таких понятиях, как реальность и миф в истории. Каково соотношение реальности и мифа в истории, пути появления мифов, их классификация?

Существенное замечание относительно русской истории высказал академик Д.С. Лихачев: «Ни одна страна в мире не окружена такими противоречивыми мифами о ее истории, как Россия, и ни один народ в мире так по-разному не оценивается, как русский» [8]. Один из таких мифов – это миф о культурной отсталости России. Однако палеографические исследования, проводимые под руководством академика А.И. Соболевского (1856–1929) еще до октября 1917 г., опровергают данный миф. Данные работы показали высокий процент грамотности и образованности в XV–XVII в. в России, хотя в то время науке еще не были известны новгородские берестяные грамоты XI–XV вв. «Старую Русь часто обвиняют в том, – начинает А. И. Соболевский свою книгу, – что она была малограмотна и не любила книги. И совершенно напрасно. Стоит заглянуть в первый попавшийся под руку старый русский сборник, и мы найдем какую-нибудь статью о пользе чтения книг или о том, как должно читать книги» [8].

Второй распространенный миф гласит, что в России не было опыта парламентаризма. До начала XX в. Государственной Думы у нас не было. Однако демократические традиции совещательных учреждений уходят корнями в Древнюю Русь. «В домонгольской Руси князь, начиная свой день, садился "думу думать" со своей дружиной и боярами. Совещания с "градскими людьми", "игуменами и попы" и "всеми людьми" были постоянными и положили прочные основы земским соборам с определенным порядком их созыва, представительством разных сословий. Земские соборы XVI–XVII вв. имели письменные отчеты и постановления. Конечно, Иван Грозный жестоко "играл людьми", но и он не осмеливался официально отменить старый обычай совещаться "со всей землей", делая по крайней мере вид, что он управляет страной "по старине". Только Петр, проводя свои реформы, положил конец старым русским совещаниям широкого состава и представительным собраниям "всех людей". Возобновлять общественно-государственную жизнь пришлось только во второй половине XIX в., но ведь все-таки возобновилась же эта общественная, "парламентская" жизнь; не была забыта!» [8].

Исторические мифы разноплановы. К первой группе следует отнести мифы, перешедшие в народное сознание в процессе своего многовекового бытования. Они стали частью национального самосознания, их надо охранять, а не разрушать. Ко второй группе относятся исторические мифы, сознательно создаваемые как один из инструментов информационной войны.

Какова природа возникновения мифов? Самые простые и очевидные мотивы – заблуждения человека, историка, неосознанно вводящие в такие же заблуждения других. Следующие мотивы, более хитроумные, – это сознательные умыслы, преследующие личные или некие общественные интересы.

И, наконец, самые сложные мотивы – это политические интересы корпоративных сообществ и государств. Как правило, эти мотивы определяются сиюминутными, среднесрочными и даже долгосрочными политическими целями. При этом важно понимать фундаментальность таких интересов. Едва ли не все крупные и значимые историографии нового времени, времени становления современных национальных государственных образований выросли на идее национального самосознания. Отсюда воспевание всего героического и игнорирование или изящное объяснение всего того, что в теорию героического не вписывалось. В странах Балтии фальсификация истории возведена в ранг государственной политики. Почему с появлением новых национальных государств стало возможно такое явление, как переписывание истории? Верно подметил Эрнест Ренан: «Забвение, я бы даже сказал – искаженное восприятие собственной истории, – это существенный фактор в процессе формирования наций». Малые государства (Латвия, Литва, Эстония) надеются получить компенсацию за ущерб, причиненный им в «годы оккупации». Провал таких попыток очевиден. Сегодня борьба ведется не только с историческим прошлым, но и с памятниками, которые напоминают об этом. «Бронзовый солдат», памятник воину-освободителю в Таллине (Эстония), стал точкой сосредоточения переживания русских в этой стране, безусловно, это стало опасно для современной внутренней и внешней политики стран Балтии. Антироссийская политика в этих странах – это часть политики сдерживания России более крупными, имеющими вес на политической арене государствами, применение «мягкой силы» в мировой политике.

Уже в новое время мистификация истории получила свое широкое распространение и обосновывалась воспитательной ролью истории для граждан нарождающихся государств. По такому пути сегодня пошла, например, современная официальная украинская историография. Никто не сможет оспорить, что в общественно-политической мысли среди представителей украинского политического сообщества на протяжении столетий после добровольного и законного вхождения Украины в состав России культивировалась идея «самостийности», в разные времена подкреплявшаяся и реальными действиями политических сил. Весьма показателен в этом отношении эпизод, который произошел в период правления Екатерины II. Представители Украины при поддержке ливонских и эстляндских общин обратились к Екатерине с просьбой учитывать национальные особенности различных областей Российской империи. Екатерина ответила жестким отказом, сопроводив его разъяснением, что лучшим средством достижения общего блага подданных является их русификация [2].

Что же подразумевала немецкая принцесса, урожденная София-Фредерика-Августа Ангальт-Цербстская, говоря о русификации украин? Во всяком случае, не то, что услышали в ее словах радители малороссийских национальных традиций, то есть призыв ко всем россиянам быть русскими по рождению: при ее происхождении и взглядах это было бы абсурдным. Скорее всего, русификацией она называла то, что переживала сама, а именно вынужденное осознание Российской империи общим домом для русских и нерусских, домом, в котором должны царить немецкий порядок, голландское трудолюбие, итальянская культура, французская философия, швейцарская бережливость, британская консервативность и т.д. – все то, что составляет фундамент современной европейской цивилизации. Эти добродетели должны быть привиты российской государственности и обрамлены неповторимым своеобразием многонациональной российской культуры. Можно спорить о том, были ли они маргинальными или преобладавшими, но подавлявшимися некими внешними силами, но невозможно отрицать нахождение Украины как части целого в некоем государственном образовании, равно как и трактовать те или иные события собственно украинской истории, являвшиеся общими для государства, в которое оно входила.

Возвращение к цивилизационным ценностям православного христианства как к фундаменту построения нового политического объединения народов в рамках современной России, а с учетом интеграционных процессов и в масштабах СНГ, не кажется сегодня легко реализуемой задачей. Оптимизм внушают экуменистические (в том

числе и в религиозной среде), экологические, культурно-цивилизационные, миросистемные и иные универсальные направления духовной деятельности, способные объединять значительные группы людей на основе базовых ценностей мировой цивилизации.

Напомним, что перспективу мирного разрешения межгосударственных и межнациональных отношений отстаивают представители идеалистического направления в политике. Их образ мысли формируют принципы геостратегии, гармонизирующей государственный эгоизм геополитики с реалиями современного глобального мира. Сегодня, увы, приходится признавать преобладающее влияние на постсоветском пространстве сторонников политического реализма, а во взаимоотношениях с внешним миром – даже политического прагматизма и меркантилизма. Их мировоззрение продолжает строиться на принципах геополитики (признающим применение военной силы для решения политических задач), а высшим и священным институтом политической жизни для них остается государство, предпочтительно мононациональное (на практике чаще минимиперское). Борьба этих тенденций составляет квинтэссенцию современной политической жизни, причем не только в России и других странах СНГ, но и в мире в целом [6].

Несовпадение мировоззренческих принципов сторонников политического идеализма и реализма приводит к интересному феномену, который мы определяем как «непредсказуемость исторического прошлого». Дело в том, что сторонники этих двух политических направлений активно борются за право интерпретировать историю, исходя из собственных текущих потребностей. Их оценки прошлого, во-первых, взаимоисключающи, во-вторых, нередко непоследовательны, подвержены пересмотрам. Главной причиной этого является «оптическая узость» – видение истории страны только в рамках истории национального государства. Именно такое видение было преобладающим в тот момент, когда формировалась современная историческая наука [7, с. 13].

Сегодня, в эпоху глобального универсализма, общественные науки постепенно преодолевают синдром «национальной ограниченности». Хорология, или хорография, как древние называли изучение земной поверхности, вооружает исследователя новаторским методом познания общественных процессов [4, с. 11]. Его суть состоит в учете пространственного фактора при анализе политических явлений. На этой почве возникли научные концепции геополитики, развиваются геостратегия, геοэкономика, геοкультура. Новые методы исследования вызывают к жизни новые теории и обслуживающий их понятийно-терминологический аппарат.

В XX в. военная сила была главной угрозой национальному государству, ярким проявлением этого была «холодная война» – процесс борьбы по наращиванию ядерного, ракетного потенциала. Сверхоружие XXI в. – это технологии «сборки и разборки социального объекта», процесс, когда народ, связанный исторической памятью, национальными интересами, превращается в народонаселение, легкоуправляемое и контролируемое. Охрана исторической среды – это дело всего общества. И завет Д.С. Лихачева – как нельзя кстати. «Что же делать сейчас, в пору действительной отсталости и катастрофического падения культуры? Ответ ясен. Кроме стремления к сохранению материальных остатков старой культуры (библиотек, музеев, архивов, памятников архитектуры) и уровня мастерства во всех сферах культуры надо развивать университетское образование. Здесь без общения с Западом не обойтись. Европа и Россия должны быть под одной крышей высшего образования. Вполне реально создать общеевропейский университет, в котором каждый колледж представлял бы одну европейскую страну (европейскую в культурологическом смысле, то есть и США, и Японию, и Ближний Восток). Впоследствии такой университет, созданный в какой-либо нейтральной стране, смог бы стать общечеловеческим. В каждом колледже была бы представлена своя наука, культура, взаимопроницаемая, доступная для других культур, свободная для обменов. В конце концов, поднятие гуманитарной культуры во всем мире – это забота всего мира» [8].

Библиографический список

1. *Барсенков, А. С.* Русский вопрос в зеркале истории / А. С. Барсенков // Русская нация: историческое прошлое и проблемы возрождения. – М., 1995.

2. **Вайскопф, М.** Сюжет Гоголя. Мифология. Идеология. Контекст / М. Вайскопф. – М., 2002.
3. **Зеленева, И. В.** Геополитика и геостратегия России (XVIII – первая половина XIX в.) / И. В. Зеленева – СПб., 2005.
4. **Замотин, И. И.** Романтизм двадцатых годов XIX столетия в русской литературе / И. И. Замотин. – М., 1911.
5. **Замятин, Д. Н.** Гуманитарная география: пространство и язык географических образов / Д. Н. Замятин. – СПб., 2003.
6. **Капеллер, А.** Россия – многонациональная империя / А. Капеллер. – М., 1997.
7. **Лихачев, Д. С.** Мифы о России старые и новые / Д. С. Лихачев // Наука и Жизнь. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/lih_mif.php, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
8. **Андерсон, Б.** Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох [и др.]. – М., 2002.
9. **Рамоне, И.** Геополитика хаоса / И. Рамоне. – М., 2001.
10. **Rosenau, J.** Distant Proximities: Dynamics beyond Globalization / J. Rosenau. – Режим доступа: <http://press.princeton.edu>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ: ИСТИНА И ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО

П.Л. Карабущенко
(Россия, г. Астрахань)¹

*Фальсифицировала, фальсифицировала,
да не выфальсифицировала*
Новейшая украинская политическая скороговорка [2, с. 12]

Политическая история делится на официальную и альтернативную версию интерпретации событий, в которых истина и фальсификация переплетаются самым тесным образом. В обоих случаях над их созданием трудятся заинтересованные элиты. История элитам нужна для того, чтобы самих себя в ней, найти оправдание своей власти в прошлом, показать себя законным наследником предшествовавших правителей.

Political history is divided in official and alternative versions of the events in which truth and falsification are intertwined intimately. In both cases, the interested elite works at their creation. The elite needs history to justify their power in the past through self-recognition and to represent themselves the heir-at law of the preceding governors.

Ключевые слова: элита, элитология, история, фальсификация, герменевтика.

Key words: elite, elitology, history, falsification, hermeneutics.

В истории фальсификации больше чем достоверных фактов, то мне придется ответить – фальсификации, ибо в ней больше всего заинтересованы правящие элиты. Истину в истории ищут историки-одиночки, для которых донкихотство стало смыслом их жизни. Официальную историю пишут те, кто приближен к власти и заинтересован в ее упрочении. Альтернативная история остается уделом глубокой подпольной работы, ибо гнев сильных мира сего всегда нацелен на ослушников, осмелившихся перечить «правдивому» слову их власти. Проблема фальсификации истории непосредственно связана с проблемой перехода политической практики в политической прошлое (то есть в политическую историю). Политическим элитам непременно

¹ Работа выполнена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. проект АГУ 02.740.11.0593 «Проблемы сохранения культурного наследия в полиэтничном регионе».